

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101

Г.А. Воробьев

*Пятигорский государственный
лингвистический университет
г. Пятигорск, Россия*

И.В. Печкуров

*Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук
г. Ростов-на-Дону, Россия*

М.А. Гнатюк

*Самарский государственный
университет путей и сообщения
г. Самара, Россия
redaction-el@mail.ru*

СПЕЦИФИКА ЭНТРОПИЙНЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

[Gennady A. Vorobyev, Ilya V. Pechkurov, Maxim A. Gnatyuk

**The specificity of entropic processes in Russian society
in the context of the challenges of contemporary reality]**

It is considered the problems of development of modern Russian society in the light of the concept of social entropy, revealing the prospects of socio-cultural dynamics of Russia from the standpoint of choosing certain alternatives of social development, currently being implemented along the trajectory of Soviet reconstruction schemes and algorithms of social control and construction of his social world. It is explained that the Russian society has maintained a high level of entropy potential and not ready to resist entropic processes, which are largely internal factors derived from the socio-cultural specificity and historical trajectory of Russia's development.

Key words: social entropy, process entropy, anti-entropic potential, social uncertainty, social exclusion, culture of trust.

Проблема социальной энтропии относится к числу традиционных для философии тем с точки зрения сущности вопроса – поиска причин социальной дезорганизации, дестабилизации и условий стабильного, устойчивого и эффективного развития общества. Однако глубокой социально-философской рефлексии современной российской реальности с позиций энтропийного подхода в современной науке не представлено, что определяет выбор данного ракурса исследования российского общества в условиях вызовов современной эпохи.

Прежде всего необходимо заметить, что становление концептуально-теоретических исследований, имеющих отношение к различным аспектам проявления социальной энтропии, происходило в предметном пространстве различных социально-гуманитарных дисциплин. По мере последовательного осмысления данного явления в социальной философии, психологии, культурологии и социологии формировалось дискурсивное поле исследования таких блоков проблем, как норма, аномалия и социальная дезорганизация; социальный порядок; социальная неопределенность, в своей совокупности, способствовавшие концептуализации социальной энтропии как научного понятия и когнитивного инструмента.

Энтропия чаще всего определяется как мера беспорядка, степень отклонения системы от условного эталона. Согласно закону возрастания энтропии, все самопроизвольные процессы во Вселенной однонаправлены и сопровождаются разрушением упорядоченных структур, рассеиванием энергии в пространстве. В основе любого изменения скрыты возможности распада и хаоса, которые не имеют ни причин, ни целей, обеспечивая лишь непрерывное движение. По аналогии возникло определение энтропии как меры «беспорядка», «дезорганизации» системы, и негэнтропии – как меры организации.

Теоретические разработки в области исследования социальной энтропии как теоретического концепта и социального явления связаны, прежде всего, с развитием «науки о сложном», в центре внимания которой оказались проблемы исследования систем с нелинейной динамикой, неустойчивым поведением, эффектами самоорганизации, наличием хаотических режимов, бифуркациями [7, с. 30].

Сконструированный в рамках такого понимания общества методологический инструментарий ориентирован на изучение нелинейной социокультурной динамики, процессов самоорганизации социума, из которых, по существу, складывается принципиально новый социальный порядок. Его мето-

логической основой становится синергетическая парадигма, исследующая закономерности и тенденции социальной самоорганизации, то есть прежде всего взаимоотношений социального порядка и социального хаоса [13], определяющих динамику энтропийных процессов, в той или иной мере всегда присутствующих в обществе.

Как отмечают Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, многие научные публикации, не только естественнонаучные, но и гуманитарные, подхватывают сегодня новую синергетическую терминологию. Как вывести страну из тисков социального кризиса и поставить ее на путь цивилизованного самоподдерживающегося процесса развития? Каковы условия быстрого, нелинейного экономического роста? Синергетика в ее нынешнем виде, конечно, еще далеко не во всех случаях способна стать основой для конкретных и действенных моделей выхода из кризисных ситуаций, в особенности экономических, политических и экологических. Но с позиций синергетики открываются возможности поиска универсальных принципов самоорганизации и эволюции сложных систем вообще, неких аналогов законов сохранения и эволюции в старой – равновесной – термодинамике. А такого рода знание исключительно важно для моделирования катастрофических ситуаций и эволюционных процессов в экологии, экономике, политике, культуре [5, с. 17-18].

В данной работе предлагается под социальной энтропией понимать социокультурный феномен, определяющий траекторию общественного развития с позиций неопределенности, деформации социокультурной среды, дезорганизации социального порядка и целостности нормативно-ценностного пространства как проявлений отклоняющегося от норм эталонного (нормального) характера функционирования общества. Если общество деградирует, энтропия его состояния увеличивается.

Настоящее общества во многом определяется исторической траекторией его развития [3], в которой особое внимание с точки зрения исследования социальной энтропии в развитии современной реальности привлекают революционные и эволюционные изменения. В этой связи актуализируется проблема социальной памяти о прошлом. Она является источником преодоления социокультурного кризиса в обществе, восстановления целостного социокультурного пространства для решения острых социальных задач на основе единых смыслов, которыми наделяется прошлое общества. Индика-

тором социальной энтропии выступает дезорганизованная социальная память, что и наблюдается в современном российском обществе, в котором социальная память и история страны в целом используются для реализации политических целей. В итоге реставрация элементов советской социальной реальности сопровождается очередным пересмотром исторического прошлого, его переоценкой с точки зрения нужд и интересов правящей элиты, решения геополитических задач.

Исследователи обращают внимание на преемственность советской и постсоветской реальности. Так, характеризуя наследие советского периода в современной социальной реальности, В.П. Макаренко указывает на то, что в современной России воспроизводятся характеристики советского прошлого, связанные с властью-собственностью и появлением новых социальных групп на основе ее передела; с социальным расслоением; с всевластием политической бюрократии; с социальной несправедливостью; с безразличием власти к правам гражданина; с компромиссом между коммунизмом и национализмом; со связью социальных наук с политикой и идеологией. Налицо происходящая редукция к символам «закрытого общества», которые навязываются гражданам как коммерческий продукт [8].

Причины реставрации элементов советской социальной реальности (а по большому счету, элементов в целом культурной традиции авторитаризма) связаны с устремлениями и практиками правящего класса, социальным заказом со стороны «общества застоя» и его традиционалистского большинства. Е.А. Корнеева говорит о поклонении Силе как способе ощутить собственную силу через идентификацию с ней. «Почему Homo post-soveticus так остро нуждается в переживании ощущения собственной силы? Потому что одно из его самых болезненных и нежелательных переживаний – ощущение собственного бессилия, перманентно присутствующего в сознании как фон. Мы воспитываемся и формируем свое мировоззрение в среде, которая тонко или грубо, но систематически сообщает нам о нашем бессилии и неполноценности, что в сущности одно и то же» [6, с. 30-31].

В условиях социальной реставрации на основе идеи «реванша прошлого» одной из самых актуальных становится имперская тема, что опять же связано с неизжитыми советскими амбициями и чувством «государственной ущемленности».

Безусловно, решению остро стоящих перед Россией задач, связанных с формированием гражданского общества и правового государства, переходом к инновационной экономике и модернизационным прорывом, такой формат реставрации исторической памяти не поможет. Обращенность в прошлое как основание для развития настоящего и перехода к «нормальному обществу» не является в принципиально изменившихся условиях эффективным способом социальной регуляции и управления социальными процессами [4].

В итоге, нарастание социальной энтропии становится фоновой ситуацией повседневной жизни россиян в условиях сложного общества. На фоне роста социальной энтропии разворачивается повседневная жизнь, переживаются стрессы, имеют место разнообразные проявления деструктивных поведенческих установок. Неизбежно происходит адаптация личности к обстоятельствам дисгармоничного социума. При этом растет отчуждение человека от общества и его основного института – государства.

В российском массовом сознании по-прежнему функционируют многие ценности и социальные установки советской эпохи. В самом же обществе нарастает ощущение беспокойства и страха. Самые распространенные причины страхов – опасения за будущее своих детей, обеспокоенность, связанная с возможностью остаться без средств к существованию. Если обществу не удастся консолидироваться в ценностном и смысловом отношении, рост социальных рисков в пространстве вызовов «современности» закономерно ведет к расширению пространства социальной энтропии, дальнейшему снижению уровня уверенности в обществе, нарастанию беспокойства и социального отчуждения.

Таким образом, в России наблюдается тенденция архаизации как возврата к изжившим пластам культуры, элементам властных отношений, социальным практикам в пространстве социального взаимодействия, осложненного противоречивыми процессами «воздействия современности», а проявление архаики свидетельствует о слабой готовности российского «общества транзита» к дальнейшим изменениям, связанным с новыми рисками, которые заменяются стремлением найти опору не только в привычных формах общественного бытия, но и в тех, что скрыты в глубинах архетипов массового сознания.

Высокая динамика зависимости настоящего от советского прошлого связана со стремлением удержать или воспроизвести в новой социальной реальности «фрагменты» прошлого, вписывающиеся в культурно-историче-

скую традицию политического авторитаризма. Выступая своеобразной формой социальности, «опыт прошлого» в целом, как и образы государственных деятелей советской эпохи, начинают служить интересам доминирующего политического класса.

Уже прошло несколько десятилетий с момента распада СССР, вызвавшего глубокий социокультурный раскол в российском обществе, который до сих пор не преодолен. Это обстоятельство – сохраняющийся социокультурный раскол – фактически является основным фактором воспроизводящегося механизма социального саморазрушения. Удерживаемая ситуация социокультурного раскола ведет к нарастающей неспособности общества сконструировать социальный консенсус, задать общие нравственные основания деятельности и накопления антиэнтропийного потенциала на уровне социума.

В результате, достижение равновесно-устойчивого состояния социальной системы [2], которое означает, что в социальной реальности происходит оптимальное самоподдерживающееся согласование интересов, которое обеспечивает устойчивое развитие в настоящем и вероятном будущем всем субъектам и социально-политическим институтам, остается на уровне перспективных, но пока не реализуемых социальных планов. Утрата социальной реальностью равновесно-устойчивого состояния начинает проявляться в ярко выраженной социальной нестабильности, дисфункциональности структур и институтов, нарушении оптимальной, необходимой для нормального развития, системы социальной справедливости и социального неравенства [12].

Немаловажным фактором нарастания энтропийных процессов становится прагматизация межличностных отношений. Такие нравственные ценности, как честность, доброта, ответственность и милосердие, подвергаются переосмыслению, в результате чего нарушается эмоциональная связь между людьми, и в обществе растет чувство одиночества, изоляции и отчужденности человека. Российское общество стремительно утрачивает потенциал и культуру доверия, о чем говорят данные социологических опросов, в которых фиксируется не только кризис и острый дефицит доверия в России [1], но и его неравномерное институциональное распределение, связанное с феноменом персонификации доверия. Исследования Института социологии РАН подтверждают неравномерность распределения доверия публичным институтам российского общества. На протяжении 2014 -2015 гг. наибольшее

доверие в обществе вызывает президент РФ (78%), российская армия (65%) и православная церковь (50%) [1]. Данные ВЦИОМ подтверждают тенденцию неравномерного распределения доверия политическим и общественным институтам при устойчивом высоком доверии к Президенту. В декабре 2015 года уровень доверия Президенту составлял – 78%, федеральным властям – 63% и властям региона (в среднем) – 51% [1]. Сложившаяся непопулярность структур, основная цель которых – представление и защита интересов граждан, объясняется высоким уровнем недоверия и определённым кризисом данных политических институтов, которые фиксируют и региональные исследования (например, партиям и профсоюзам не доверяют 42,0 и 45,5% жителей Ростовской области) [10].

На фоне кризиса культуры доверия нарастают тенденции роста социокультурного отчуждения, которые позволяют констатировать, что формирующийся в России социальный порядок принимает экспоненциально-деформированный характер, угрожающий социокультурным коллапсом. Предотвращение такого негативного сценария развития российского общества предполагает необходимость поиска фундаментальных оснований устойчивого и эффективного развития, которые, с нашей точки зрения, заключаются в корреляции реального и идеального, практического и идейного, индивидуального и массового в пространстве формирования, и реализации социальных и культурных практик. В противном случае остановить рост энтропийных процессов и их негативное влияние на социокультурное развитие российского общества будет невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Ю.Г., Кривоусков В.В. Доверие и креативный класс: факторы консолидации российского общества. Ереван, 2013.
2. Заяц П.В. «Система» как когнитивная категория анализа в инженеринговых исследовательских практиках // Социально-гуманитарные знания. 2015. №7.
3. Заяц П.В. Инжиниринг в гуманитарном исследовании // Философия права. 2014. №1 (62).

4. Заяц П.В. Инжиниринг партийно-политических систем: конструирование обратной исследовательской задачи // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7.
5. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики: Синергетическое мировидение. М., 2011.
6. Корнеева Е.А. Царство Путина. Неосталинизм по просьбам народа. СПб., 2011.
7. Кравченко С.А. Становление сложного социума: востребованность новых подходов к его исследованию // Гуманитарий Юга России. 2012. № 2.
8. Макаренко В.П. Русская власть и модернизация: общие тенденции на фоне новейших исследований // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2014. № 1.
9. Общество и кризис: политические риски 2016. Отчет ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wciom.ru/news/reports_conferences/
10. Посухова О.Ю., Сериков А.В. Жизненные ориентиры жителей Южного федерального округа в контексте современных реалий // Вестник Института социологии РАН. 2016. № 1 (16).
11. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. М., 2015.
12. [Скворцов Н.Г., Верещагина А.В., Самыгин С.И. Социальное неравенство в России: вызовы национальной идентичности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10.](#)
13. Тишин А.И. Лики синергетики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krsu.edu.kg/vestnik/2002/v3/a02.html>.

REFERENCES

1. Volkov Yu.G., Krivopuskov V.V. Trust and the creative class: the factors of consolidation of Russian society. Yerevan, 2013.
2. Zayats P.V. «System» as a cognitive category of analysis in engineering research practices // Social-humanitarian knowledge. 2015. No. 7.
3. Zayats P.V. Engineering at humanitarian research // Philosophy of law. 2014. No. 1 (62).

4. *Zayats P.V.* Engineering of political party systems: designing reverse research challenges // Socio-humanitarian knowledge. 2012. No. 7.
5. *Knyazeva E.N., Kurdiumov S.P.* The Foundation of synergetics: Synergetic world-view. Moscow, 2011.
6. *Korneeva E.A.* The Kingdom Of Putin. Neo-Stalinism at the request of the people. Saint Petersburg, 2011.
7. *Kravchenko S.A.* Emergence of complex society: the relevance of new approaches to its study // The Humanities of the South of Russia. 2012. No. 2.
8. *Makarenko V.P.* The Russian government and modernization: the general trends on the background of recent studies // Political conceptology: journal of metadisciplinary research. 2014. No. 1.
9. Society and crisis: political risk in 2016. The report polls. [Electronic resource]. URL: https://wciom.ru/news/reports_conferences/.
10. *Posukhova O.U., Serikov A.V.* The orientation of life of the inhabitants of the Southern Federal District in the context of contemporary realities // Journal of the Institute of sociology. 2016. No. 1 (16).
11. Russian society and the challenges of time. The second book / M.K. Gorshkov [and others]; ed. edited by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. M., 2015.
12. *Skvortsov N.G., Vereschagina A.V., Samygin S.I.* Social inequality in Russia: challenges of national identity // Humanitarian, socio-economic and social Sciences. 2016. No. 10.
13. *Tishin A. I. Faces of synergy.* [Electronic resource]. URL: <http://www.krsu.edu.kg/vestnik/2002/v3/a02.html>.

---

16 июля 2017 г.